

- несовпадение форм ед.ч. жен. р. и формы мн.ч., напр., *курд, курдянка, курды - Kurd, Kurdyjka, Kurdowie*.

- несовпадение форм ед.ч. муж. и жен. р.: *коми (нескл.) - Komiak, Komiaczka, Komi*.

В богатом и разнообразном материале, каким являются этнонимические названия, можно отметить еще другие случаи несовпадений или особенностей, но из-за ограниченного объема статьи на этом надо остановиться.

Существуют совсем различающиеся русские и польские этнонимы, напр. *евреи - Żydzi, итальянцы - Włosi, китайцы - Chińczycy*. Причины таких различий объясняет в своей статье В. Супрун [8; 119-126].

Из наблюдений лингвистов вытекает, что „...przyrostek -ianin (-anin) jest żywotny prawie we wszystkich językach słowiańskich, natomiast sufiks -'ec produktywny jest w nazwach mieszkańców w językach wschodniosłowiańskich i południowsłowiańskich, a z zachodniosłowiańskich w języku czeskim i słowackim. /.../ przyrostek -ak wykazuje szczególnie dużą żywotność w języku czeskim, słowackim, a specjalnie w języku polskim” [11; 290]. Кроме того в структуре польских этнонимов часто выступает суффикс *-czyk*.

Литература

1. Апанасенко, Э.Г. Россия-Восток-Запад в зеркале русских этнонимов / Э.Г.Апанасенко. – Владивосток, 2009, <http://www.dissercat.com> 24.09.2013.
2. Большой толковый словарь русских существительных / ред. Л.Г.Бабенко. – М., 2005.
3. Буряковская, В. А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков) / В.А.Буряковская. – Волгоград, 2000, <http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznak-etnichnosti-v-semantike-yazyka.html>, 10.09.2013.
4. Енгибарян, Р.В. Этнос в современном мире / Р.В. Енгибарян, Ю.К. Краснов // Право и управление. XXI век. – 2008. – №2 (7). – С. 5-8.
5. Ковалев, Г.Ф. История русских этнических названий / Г.Ф.Ковалев. – Воронеж, 1982.
6. Ковалев, Г. Ф. Общие тенденции в развитии русских и польских этнонимов / Г.Ф.Ковалев // Przegląd Ruscystyczny. – 1983. – Z. 3-4.
7. Ковалев, Г.Ф. Этнос и имя / Г.Ф.Ковалев. – Воронеж, 2003.
8. Супрун, В. Сопоставительный анализ современной польской и русской этнонимии / В.Супрун // Studia Rossica Posnaniensia, т. VIII. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1977. – С.119-126.
9. Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN, red. A. Markowski, Warszawa 2002.
10. Polskie nazwy własne. Encyklopedia. / ответст. ред. Rzetelska-Feleszko E./ Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 1998. – С.181-190.
11. Sulisz, M. Budowa słowotwórcza nazw etnicznych w języku polskim / M.Sulisz // Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozprawy Komisji Językowej VIII, 1969. – С. 287-341.
12. Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim. Русско-польский словарь / ответст. ред. Jan Wawrzyńczyk. – Warszawa: PWN, 2004.

А.Н. Деревяго (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

АНТРОПОНИМНЫЕ КОДЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Художественный текст есть сложная система, функционирование которой связано с взаимодействием и взаимовлиянием как минимум двух основных структур – семантической, организующей разрозненные смыслы отдельных лексем в общий объем внутренней формы, и архитектурной, формирующей внешний облик текста, чувственно воспринимаемый. Если рассматривать свойства текста как знаковой последовательности, то художественный текст есть «полная и связная последовательность знаков, которая может быть обозначена как автономная реальность со своей внутренней структурой» [1;1022]. Последовательность знаков, именуемая текстом, является ком-

муникативной единицей высшего уровня и проявляет качество смысловой завершенности, выступая как цельное произведение.

Таким образом, как продукт мыслительной деятельности автора и материал мыслительной деятельности субъекта восприятия и интерпретации, текст является знанием, в основном вербализованным, но включающим в себя и такой сегмент, который вербальными средствами не выражается. Обязательным элементом внутренней формы текста выступают смысловые разрывы, наполнение которых обеспечивается непрерывным внутренним текстом, содержащимся в мышлении познающего субъекта и основывающимся на его фоновых знаниях. Если рассматривать процесс восприятия художественного текста, то наиболее ценна здесь литературно-художественная фоновая информация, выявляющаяся через систему разного рода литературных реминисценций, текстовых ассоциаций, объединяющих однородные тексты в глобальный аксиологический интертекст.

Среди текстовых индикаторов, активизирующих создание внутреннего текста и налаживание векторов интертекстуальности, особое место занимают имена собственные. В семантике любой онимической единицы можно отметить три базисных компонента – денотативный, сигнификативный и прагматический. При этом объем, весомость и значимость каждого из них для конкретной единицы коммуникативного контекста будут различаться. В случае доминирования исходного обширного прагматического семантического сектора вне зависимости от его контекстуального приращения наблюдается феномен появления ономастического кода. Наиболее активными элементами этого кода являются антропонимные единицы, что вполне объяснимо: художественный текст, прозаический или поэтический, максимально антропоцентричен в своем генеральном направлении от создателя текста к воспринимающему субъекту. При этом случаи, когда статусом элемента ономастического кода наделяются и другие составляющие ономастического инструментария того или иного автора, не единичны. Так, И.Бродский как средство манифестации интертекстуальных связей довольно часто использовал заголовки. Именование цикла *Новые стансы к Августе* аллюзивно связывают нас с созданными ранее стихотворными произведениями, которые в истории литературы известны как прекрасный образец любовной лирики, – «Стансы к Августе» Д.Г. Байрона. И. Бродский создает свои стансы – стихотворение и целый сборник из шестидесяти стихотворений любовной лирики – при этом именует их «новыми»: изменились времена, но неизменно осталось главное – чувство любви, восхищения, почитания и обожествления своей возлюбленной, а также особое видение мира глазами влюбленного человека, чья судьба не бесприютна, а соединена с другой: «*Сентябрь. Ночь. Все общество – свеча. / Но тень еще глядит из-за плеча / в мои листы и роется в корнях / оборванных. И призрак твой в снях / шуришит и булькает водою, / и улыбается звездой / в распахнутых рывком дверях*» [2; 47].

Наиболее продуктивным импульсом обнаружения интертекстуальных связей является признак прецедентности имен собственных поэтического текста XX в. Возможность проявления межкодовых культурных связей обусловлена семантическим наполнением прецедентных антропонимов, так как прецедентное имя есть «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом... или прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [3; 52].

Белорусский поэтический текст выступает неотъемлемой частью текстового пространства XX в., и особо тесные связи обнаруживаются в границах русско-белорусского текстового континуума. Сходные черты и общие тенденции исторического развития, особенности этнического самосознания, в том числе проявляющиеся в области культурных связей, не могли не найти отражение на качестве литературно-художественной фоновой информации в той ее части, которая соотносится с белорусской и русской реальностью.

В поэтическом тексте Л.Дранько-Майсюка ономастический инструментарий достаточно разнообразен для того, чтобы связать в текстовом пространстве имен собственных образы вымышленных субъектов (*Максім, Люба, Абрам, Вольга, Васіль* и др.), проекции реально существовавших людей (*Купала, УладзімірДубоўка, Доўнар-Запольскі, Пілсудскі, Шагал, Дастаеўскі, Дантэ, Гумілёў* и др.) с моделью реального географического пространства, которое представляется посредством топонимов разных семантических типов – *хоронимов* административных и природных *Еўропа, Егіпет, Беларусь, Палессе, Беластоцкі павет; астионимов* *Давыд-Гарадок, Пінск, Брэст, Віцебск, Петраград, Менск, Гародня, Беласток, Варшава, Коўна, Венецыя, Вільня, Берлін, Парыж, Афіны, Рым; гидронимов* – *Буг, Прыпяць, Чаква, Гарынь, Рэйн, Ніл, Свіслач; урбанонимов* – *Кафедральны, Старавіленская, Курасоўчына, Траецкае прадмесце, Ракаўскае прадмесце* и др.

В числе прецедентных антропонимов, представляющих ономастическое пространство авторского текста Л. Дранько-Майсюка, статус элементов интертекстуального антропонимного кода имеют по меньшей мере две единицы – *Данте* и *Гумилев*, при этом последняя отличается индивидуально авторским приращением прагмакомпонента семантики.

Антропоним *Гумилев* входит в состав системы именованій стихотворения «Кола» на правах одного из элементов ономастического фона (*Менск – УладзімірДубоўка – Беларусь – Гумілёў – Заходняя Беларусь – Варшава – Пінск – Брэст – Давыд-Гарадок – Абрам – Максім – Дубоўка*). Несмотря на обилие имен собственных, механизм актуализации интертекстуальных смысловых связей реализуется именно прецедентным именовани-ем *Гумилев*: центральным образом названного текста является образ трамвайного колеса, которое «“*Ты, пэўна, з таго трамвая / Якога апеў Гумілёў*” ...» [4, 115]. В прагмакомпоненте антропонима благодаря приведенному контексту актуализируется энциклопедическая информация, связанная с творчеством Н. Гумилёва – одного из выдающихся русских поэтов начала XX века и, в частности, с самым загадочным его стихотворением из последнего сборника «Огненный столп».

В тексте Н. Гумилева образ трамвая соединяет в себе черты механизмов начала XX в. с плавностью движения корабля. Как писал один из исследователей творчества поэта, Р.Д. Тименчик, «сравнительная плавность движения нового транспортного средства окружила его ассоциациями с лодкой... равно как... с обитателями подводного мира... Это отчасти объясняет ориентацию «Заблудившегося трамвая» на «Пьяный корабль» Артюра Рембо...» [5]. Поэтому в стихотворении обнаруживается и мотив мореплавания, который был важен для поэта, вдохновленного «музой дальних странствий». Его стремление в Абиссинию и Центральную Африку основано на ряде параллелей, прежде всего с поисками неведомой земли в центре Африки, которая таит в себе сокровенное знание какой-то из предшествующих рас, а также с судьбой Артюра Рембо, который остался в истории литературы «путником в башмаках, подбитых ветром» (Верлен) [6].

Вслед за антропонимом *Гумилев* в текстовое пространство Л.Дранько-Майсюка приносятся и сопутствующие ему смысловые мотивы и образы: «*Цябе вандраваці няспынна / Палохаці і чараваць / Па золаце кожнай краіны, / Нібы па смерці, імчаць / ... / Ёсць нешта ў тваім абліччы / Ад п'янага карабля*» [4; 116]. Образ трамвая, корабля-призрака в стихотворении Н. Гумилева связан с идеей онтологического путешествия человека, ведомого роком, без локализации в пространстве и времени. И если обычно странствия в лирике поэта описываются как необходимый духовный опыт для поэта, без которого не могло бы быть его творчества, то в «Заблудившемся трамвае» путь вне времени и через пространства очевидно является смертельным. Е.Вагин называет стихотворение «поражительным сюрреалистическим синтезом прошлой культурной эпохи, убийственной современности и трагических предчувствий близкого будущего» [5]. В стихотворении «Кола» Л. Дранько-Майсюка семантика апеллятивных и отчасти ономастических конструкторов ретранслирует смысловые блоки безвременья, фатумных преобразований, которые вмещает в себе прагматоним *Гуми-*

лев в приведенном контексте; дополняет их семей катастрофичности исторических преобразований (колесо трамвая путешествует по Беларуси самостоятельно, оторвавшись от трамвая); преобразует сему «трагичность предчувствия будущего» в «вера в будущее, воплощенное в созидательном творчестве личности»: «*Ён смехам ратуецца бедаў, / Ён вершыкі складвае сам, / Яму сваю кнігу “Credo” / Учора паэт падпісаў*» [4; 118].

Таким образом, текст создается при появлении определенной установки его создателя и функционирует в области коммуникации. Он одновременно демонстрирует качества и единицы информации, и продукта деятельности субъекта по осмыслению онтологических основ своего существования, и материала для восприятия и интерпретации. Антропонимный код, элементы которого обладают обширным объемом прагматической информации, энциклопедичность характера которой усиливается от текста к тексту, позволяет автору нового контекста не только ретранслировать семантическую константу, но и преобразовывать ее в соответствии с собственным замыслом.

Литература

1. Новейший философский словарь / А.А.Грицанов [и др.]; под ред. А.А.Грицанова. — 2-е изд., перераб и доп. — Минск: Интерпрессервис, 2001. — 1280 с.
2. Бродский, И. Новые стансы к Августе: Стихи к М.Б., 1962 –1982 / И.Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. — 144 с.
3. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В.Красных.— М.: Наука, 1998. — 263 с.
4. Дранько-Майсюк, Л. Гаспода: выбранае / Л.Дранько-Майсюк. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 382 с.
5. Николай Гумилев: электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: www.portal-slovo.ru/philology/37243.php. – Дата доступа: 10.10. 2013.
6. Лекманов, О. Из заметок об акмеизме / О.Лекманов // Новое литературное обозрение, 1998. – №3. – С.263 – 271.

М.Л. Дорофеенко (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТАНТРОПОНИМНОЙ ВИКОНИМИИ БЕЛАРУСИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На современном этапе развития ономастики наряду с изучением урбанонимов возникает необходимость исследования виконимов (внутрисельских названий). О культуре, истории, духовном развитии каждого народа свидетельствуют те имена собственные, которые люди присваивают различным объектам, в том числе улицам.

По источникам происхождения виконимы делятся на две группы – отапеллятивные, образованные от имен нарицательных, и отонимные, основой для образования которых стали имена собственные. Разновидностью последних являются отантропонимные виконимы, выступающие объектом настоящего исследования. Сформированы они преимущественно на базе фамилий и псевдонимов.

Цель исследования – выявление номинативных особенностей отантропонимной виконимии Беларуси.

Составным элементом восприятия и интерпретации виконимов в общем и отантропонимных внутрисельских названий в частности являются фоновые знания. Внутрисельские наименования наделены не только лингвистической, но и многослойной культурологической информацией, экспонируют важнейшие историко-культурные сведения. Для уточнения семантики виконима недостаточно общих лингвострановедческих знаний, необходимо привлечение данных регионального краеведения.

Придерживаясь семантической классификации урбанонимов, выдвинутой А.М. Мезенко [1, с. 112-123], разделим проанализированные отантропонимные виконимы на три группы.